

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЯЗЫК — ТЕКСТ — СМЫСЛ

*Памяти
Максима Ильича Шапира*

Москва
2023

УДК 81
ББК 80
Я

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением науки
Институт языкознания РАН*

Редколлегия:

д.ф.н. В.З. Демьянков, к.ф.н. П.С. Дронов, д.ф.н. М.Л. Ковшова,
к.ф.н. О.С. Орлова, д.ф.н. Т.Е. Янко

Ответственный редактор:

д.ф.н. М.Л. Ковшова

Рецензенты:

д.ф.н., главный научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН Л.Л. Шестакова

д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН М.Ю. Михеев

к.ф.н., член гильдии «Мастера художественного перевода» С.А. Ромашко

ЯЗЫК — ТЕКСТ — СМЫСЛ. *Памяти Максима Ильича Шапира.* / Отв. ред.
М.Л. Ковшова. М.: «Канцлер», 2023. — 260 с.

ISBN 978-5-907773-21-9

Книга посвящена памяти доктора филологических наук Максима Ильича Шапира, выдающегося российского ученого, филолога, стиховеда, лингвиста и литературоведа, соединявшего в себе традиционалиста и новатора, теоретика и эмпирика и работавшего в широком интеллектуальном пространстве формирования гуманитарной мысли разных эпох. Сборник составляют статьи, созданные по материалам Шапировских Чтений, которые прошли 6–7 сентября 2022 года в Институте языкознания РАН в год 60-летия М.И. Шапира.

Книга предназначена для филологов, специалистов в области теории языка, поэтики, стиховедения и широкого круга читателей, интересующихся поэзией и искусством словесности.

LANGUAGE — TEXT — MEANING. A collection of essays in memory of M.I. Shapir. Ed. by M.L. Kovshova. — Moscow: Kanzler, 2023. — 260 p.

The book is dedicated to the memory of M.I. Shapir, a famous Russian scholar, philologist, semiotician, and literary theorist who was a combination of a traditionalist and an innovator, a theoretician and a methodologist working in an extensive intellectual space of the developments in the humanities of various epochs. The book contains the articles based on the presentations made on the 6th – 7th of September, 2022 — the year of M.I. Shapir's 60th anniversary — during the Shapir Readings at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

This book is intended for specialists in theoretical linguistics, poetics and the poetics and verse theory as well as for the general audience interested in poetry and verbal art.

ISBN 978-5-907773-21-9

© Институт языкознания РАН, 2023

ЯЗЫК — ТЕКСТ — СМЫСЛ

Памяти Максима Ильича Шапира

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (<i>М.Л. Ковшова</i>)	6
Шапир М.И.	
Символическая заумь Федора Сологуба: между ложью и фантазией	9

I.

СТИХОВЕДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Акимова М.В.	
М.И. Шапир и Ю.М. Лотман о теории стиха	18
Демьянков В.З.	
Путешествия с Максимом по лирическим полям	33
Орлицкий Ю.Б.	
Номенклатура типов русского стиха как научная и практическая проблема	39
Пильщиков И.А.	
Эволюция французской и английской анакреонтики (из истории стиховых форм)	55
Полилова В.С., Белоусова А.С.	
Теория стиха М.И. Шапира и его работы по истории поэтики	78
Постовалова В.И.	
Творческий мир («Universum») М.И. Шапира в контексте становления гуманитарной мысли XX—XXI вв.	90

II.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И ТЕКСТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Добрицын А.А.	
Поэтические галлицизмы у Батюшкова	112
Калинина М.П.	
Диалектика метра и ритма в стиховедческой концепции Андрея Белого	132
Трахтенберг Л.А.	
Словораздельные вариации четырехстопного ямба в торжественных одах 1740-х—1770-х гг.	151

Чельшева И.И.

Текстологическая история как источник по лингвокультурологии
(на материале романских средневековых текстов) 162

III.

ЯЗЫК, СМЫСЛ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА

Дзюбенко М.А.

Неизданный трактат М.И. Шапира «Принципы семантических
отношений» (первая половина 1980-х гг.): структура, содержание,
возможные принципы издания 176

Дронов П.С.

Идиомы, их варьирование и устаревание: *пустить на пе* в поэме
А.С. Пушкина «Домик в Коломне» 203

Ковшова М.Л., Орлова О.С.

О созвучиях в русских загадках 210

Красухин К.Г.

Роман о жизни и любви: основной конфликт «Отцов и детей» 227

ПРИЛОЖЕНИЕ

Студент Максим Шапир берет интервью у поэта Арсения Тарковского
(расшифровка магнитофонной записи начала 80-х гг.) 240

Сведения об авторах 258

II. ПОЭТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И ТЕКСТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Добрицын
Лозаннский университет

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ У БАТЮШКОВА

В работе рассматриваются интертекстуальные связи некоторых стихотворений К.Н. Батюшкова. Показано, что поэт часто прибегает к оборотам, характерным для французского поэтического языка. В переложенную с немецкого элегию «На развалинах замка в Швеции» Батюшков включает галлицизмы, но в других стихотворениях использует формулы немецкого оригинала этой элегии, демонстрируя безразличие к национальной «этимологии» конструктивных элементов. Французские формулы присутствуют также в батюшковском переложении Байрона. В послании «К другу», изобилующем галлицизмами и допускающем смешение в одной строфе цитат из Ломоносова и Данте, мы имеем дело не с компиляцией, а со специфической обработкой материала: поэт придает форму освоенному материалу общеевропейского поэтического языка.

Ключевые слова: Батюшков, поэтический язык, поэтические клише, заимствования, сентенции, галлицизмы.

Нашъ каждый писарь-Славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжить предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишетъ!

Под поэтическими галлицизмами в настоящей работе подразумеваются формулы, перенесенные из французской литературы в русскую. Речь идет не о языковых галлицизмах («трогательно», «вкус», «прелестный» и т.п.), а о заимствованных выражениях и конструкциях, которые не стали общеязыковыми и встречаются лишь у немногих поэтов, а то и у единственного. Порою в них можно усмотреть прямую цитату, иногда — построение, самостоятельно составленное из адаптированных чужих элементов.

Не вдаваясь сейчас в поиск причин, отметим, что Батюшков часто прибегает к такого рода заимствованиям из французской поэзии в своих рассуждениях о фортунах и счастье. Тема поисков счастья, автобиографичная у Батюшкова, является сквозной в его творчестве. Эксплицитно она разрабатывается в сказке «Странствователь и домосед» и в послании «К другу», но затрагивается и в других стихотворных и прозаических текстах Батюшкова, а также в его письмах. Подробному разбору сказки посвящена отдельная работа [Добрицын

2023]), и для дальнейшего имеет смысл начать с краткого повторения некоторых ее утверждений.

Слова 'фортуна' и 'счастье' имеют у Батюшкова, вообще говоря, разные смысловые оттенки, иногда разные значения. В ранних произведениях Батюшков употребляет слово 'фортуна' во французском «лафонтеновском» значении (как успех в приобретении богатства и высокого положения), с течением времени оно чаще начинает означать судьбу. Приведем пару примеров, где 'фортуна' и 'счастье' близки по смыслу.

В стихотворении «Къ Фились (Подражаніе Грессету)» (1804/1805) счастье играет человеком, то поднимает, то опускает его, то есть уподобляется Фортуне, вращающей колесо¹:

Какъ пылинка вихремъ поднята,
Какъ пылинка вихремъ брошена,
Такъ и **счастье** наше чудное
То подниметь, то опустить вдругъ.
Часто бѣгалъ за **фортуною**
И держаль ее въ рукахъ моихъ:
Чародѣйка ускользнула тутъ
И оставила колючій тернь.

[Батюшков 1887, I: 15]

В написанном приблизительно в то же время «Послании к Хлое» (1804/1805) погоня за счастьем синонимична поискам Фортуны, сама же Фортуна понимается во французском смысле как обретение *денег, чинов, славы*²:

За **счастьемъ** мы бѣжимъ, но рѣдко достигаемъ,
Бѣжимъ за нимъ во слѣдъ — и въ пропасть упадаемъ!
<...>
Таковъ и человѣкъ! Куда ни бросимъ взглядъ,
Узримъ тотчасъ, что онъ и въ **счастіи** не радъ.
Довольны всѣ умомъ, фортуною ни мало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало;
То денегъ, то чиновъ, то славы онъ желаетъ,
Но славы посреди и денегъ онъ зѣваетъ!

[Батюшков 1887, I: 10]

¹ Много позже, в июле 1817 в письме Гнедичу Батюшков оставляет за Фортуной ее традиционную роль, но отделяет ее от счастья: «<...> Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее зломъ и добромъ»; о литературных истоках этой фразы обстоятельно писал И.А. Пильщикова [2003: 165—167].

² Ср. почти то же в поздней «Тавриде» (1815): *Забудемъ имена Фортуны и честей* [Батюшков 1817, II: 68].

Здесь Батюшков считает уместным пояснить свою мысль с помощью французской сентенции: стих *Довольны всѣ умомъ, фортунною ни мало* является верным переводом двустихия из моральных стансов мадам Дезульер:

Nul n'est content de sa fortune,
Ni mécontent de son esprit.³

[Deshoulières 1709, I: 87]

Батюшков узнал эту максиму скорее всего из Лагарпова «Лицея» [Laharpe 1798, VI: 415].⁴

Десятилетие спустя Батюшков создает свое самое объемное стихотворное произведение — сказку «Странствователь и домосед» (1814). В соответствии с французскими правилами стихотворной сказки, повествование в ней ведется в «наивном» стиле, избегающем нарочитого остроумия⁵; однако письма, где Батюшков сообщает Вяземскому о своем сочинении, содержат две остроумные антитетические сентенции, на которых стоит остановиться подробнее, поскольку они восходят к французским авторам.

В феврале 1815 года Батюшков обещает Вяземскому:

<...> пришлю тебе мою сказку “Странствователь и Домосед”, где я сам над собою смеялся. Стих, и прекрасный “*Ум любит странствовать, а сердце жить на месте*”, стих Дмитриева подал мне мысль эту [Батюшков 1989, II: 322].

Процитированный в письме стих имеет французское происхождение, представляя собой удачный перевод двух октосиллабов маркиза де Пезэ (Alexandre Frédéric Jacques de Masson marquis de Pezay, 1741—1777), выполненный, вероятно, и в самом деле Дмитриевым (у нас нет оснований не доверять Батюшкову):

³ Пер.: Никто не бывает довольным своей фортунной, / и недовольным своим умом. Эти два стиха восходят к афоризму маркизы де Сабле, приятельницы герцога Ларошфуко: *C'est un défaut bien commun de n'estre jamais content de sa fortune, ni mécontent de son esprit* [La Rochefoucauld 1705: 231].

⁴ Заметим, что в оригинальном стихотворении «фортунна» означает «богатство»: *Quelque puissant qu'on soit en richesse, en crédit ; / Quelque mauvais succès qu'ait tout ce qu'on écrit, / Nul n'est content de sa fortune, / Ni mécontent de son esprit* = Как бы человек ни был силен своим богатством и кредитом; / Как бы ни был мал успех того, что он пишет, / Никто не бывает довольным своей фортунной, / и недовольным своим умом [Deshoulières 1709, I: 86—87].

⁵ Напомним пушкинское суждение о сентенциозной строке, которую Батюшков все же позволил себе в начале сказки (*Какъ трудно бытъ своихъ привычекъ властелиномъ*): «Стих не сказочный, натянутый» [Пушкин 1949, XII: 280].

[...] l'esprit peut aimer les voyages :
mais le cœur chérit le séjour [...]

[AM 1770: 41; Pezai 1810: 139]⁶

Через несколько месяцев после написания сказки ее автор приводит родственную мысль, выраженную в сходной антитетической форме. В письме к Вяземскому (март 1815) Батюшков дважды упоминает стих самого Вяземского из послания «К друзьям» (1814 или 1815): *Успехов просит ум, а сердце счастья просит* [Батюшков 1989, II: 324, 325, № 190]. В следующем письме, написанном через несколько дней, он воспроизводит то же изречение еще раз [там же: 327, № 191]. Столь полюбившаяся поэту строка дополняет и поясняет афоризм Дмитриева: *сердце любит жить на месте* потому именно, что *счастья просит*, а счастье обретается дома. Она также является переводной, заимствованной из Экушара Лебрена:

La Gloire nous égare : ivre d'un fol Honneur,
L'Esprit veut des Succès ; l'Ame veut le Bonheur [...]⁷

[Lebrun 1811, II: 157]

Батюшков цитирует в своих письмах русских поэтов (Дмитриева, Вяземского), но на память ему приходят именно **переводные** максимы, поскольку именно французская литература предоставляла готовые или почти готовые формы для выражения его мысли.

Как в «Странствователе и домоседе», так и во многих других произведениях Батюшкова лирический герой ищет постоянное, надежное счастье, которое греки называли *eudaimonia*, а не *eutuchia*. То, что истинное счастье непременно должно быть постоянным, а постоянство недостижимо в дольном мире — тема многих моралистов и проповедников, которая естественным образом коррелирует с темой *vanitas* — тщеты и бренности всего земного. В упоминавшемся уже письме, написанном во второй половине марта 1815, Батюшков, вспомнив стих Лебрена—Вяземского (*Успехов просит ум, а сердце счастья просит*), продолжает:

Но пусть ум просит великих успехов, а сердце — счастья... если не найдет его здесь, где все минутно, то не потеряет права найти его там. Где все вечно и постоянно [Батюшков 1989, II: 325, № 190].

В следующем письме (25 марта 1815), где он снова цитирует ту же строку Вяземского, Батюшков сообщает о кончине их общей знакомой в следующих

⁶ Пер.: Ум может любить странствия, / Но сердце ценит домоседство.

⁷ Пер.: Слава сбивает нас с пути: опьяненный нелепыми почестями, // Ум хочет успеха, [а] Душа хочет счастья.

словах: «Мы ходим по развалинам и между гробов. Ты знал Агату Полторацкую. Вчера ее не стало, et rose elle a vécu»⁸ [Батюшков 1989, II: 327, № 191].

Эти пять коротких предложений из писем резюмируют обращенное к Вяземскому же стихотворение «К другу», где Батюшков продолжает разрабатывать мотив непрочности земного счастья, мотив *vanitas* («К другу» цитируется в дальнейшем по изд. [Батюшков 1817, II: 101—105]):

Скажи, мудрецъ молодой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни щастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья:
Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

Здесь Батюшков снова проводит прежние темы⁹, порою в тех же выражениях, что и за десять лет до того. *Минутный*, преходящий шум веселья и пиров уже в стихотворении «К Хлое» (1804/1805) представлен как эфемерный дым: *Vesелій шумныхъ мы забудемъ дымъ пустой* <...> [Батюшков 1887, I: 10]. Что же касается Фалерна и роз, они не случайно присутствуют вместе в одном стихе. Такое соседство могло быть мотивировано французскими переводами Горация, Ювенала и Марциала. Если во французском переводе Марциала IX.93(94) венки из роз упомянуты как непрременный атрибут пира¹⁰, то в переложении Горациевой оды II.3 уже говорится о недолговечности роз:

Dans ce vallon délicieux
Fais porter des fruits delectables,
Des parfums, du **Falerno** vieux,
Et des **roses** trop peu durables.¹¹

[Horace 1788, I: 173]

⁸ Батюшков выражает свою мысль полустихием из известнейшего стихотворения Малерба («Consolation à M. Du Périer»): *Et rose elle a vécu ce que vivent les roses, / L'espace d'un matin*. В кругу тогдашних русских поэтов цитата узнавалась сразу и не требовала никаких пояснений. В работе, подробно описывающей значение Малерба для Батюшкова, И.А. Пильщиков напоминает слова Пушкина: «Малерб держится 4 стр<оками> оды к *Дюперье* и стихами *Буало*» [Пильщиков 2009: 253].

⁹ «Светскую мудрость» тщетно искал герой сказки «Странствователь и домосед», написанной за несколько месяцев до послания «К другу».

¹⁰ *Garçon, pourquoi ne plus donner de cet excellent Falerne? <...> Que des guirlandes de roses couronnent dix fois notre front <...> = Мальчик, почему ты больше не даешь нам этого превосходного Фалерна? <...> пусть гирлянды роз десятикратно обовьют нам чело <...>* [Martial 1807, II: 251]. Ср. также *Mart.VIII.77*.

¹¹ Пер.: В эту очаровательную долину прикажи принести восхитительных фруктов, ароматов, старого Фалерна и роз, слишком недолговечных. В латинском оригинале этой (четвертой) строфы о Фалерне не говорится, но он упомянут чуть выше, во второй строфе.

Еще детальнее отвечает настроению и теме батюшковского послания пассаж из Ювенала (Sat. IX.2):

Que faire maintenant après tant de beaux jours perdus, tant d'espérances vaines ? Telle qu'une fleur passagère, la vie, si courte et si fragile, précipite son cours. Tandis que, parfumés, couronnés de roses, abreuvés de Falerne, et comblés des faveurs de Vénus, nous vivons dans les délices, la vieillesse se glisse furtivement, et nous saisit à l'improviste [Juvenal 1796, II: 101].¹²

Как видим, описание пирующих, увитых розами и пьющих Фалерн, является общим местом латинской поэзии. Заметим, что розы были нужны не только для венков: панегирист IV века Латиний Пакат Дрепаний неодобрительно сообщает об обычае изнеженных римлян посыпать фалернское вино розами. Во французском переложении его слова звучат так:

<...> ils n'étaient point contents, <...> si au milieu de l'hiver, les *Roses* ne nageoient sur le vin de Falerne qu'on leur présentoit [Encyclopédie 1765, XIV: 365].¹³

У римлян фалернское упоминается в соседстве с розами по причинам «бытового» характера, как примета пира (сочетающаяся порой с мотивом недолговечности)¹⁴, у Батюшкова же они становятся символом преходящих земных радостей.¹⁵

¹² Пер.: Что делать теперь, после стольких потерянных прекрасных дней, стольких тщетных надежд? словно преходящий цветок, жизнь, такая краткая и хрупкая, ускоряет свой ход. Пока мы, надушенные, увитые розами, опьяненные Фалерном, осыпанные милостями Венеры, живем в наслаждениях, старость проскальзывает украдкой и хватает нас неожиданно.

¹³ Пер.: Они [римляне] были недовольны, если посреди зимы розы не плавали в подаваемом им фалернском вине. Фраза воспроизведена также в сокращенной выборке статей из Энциклопедии [Esprit de l'Encyclopédie, 1798, X: 417]. Она повторяется почти буквально и в труде [Guillemeau 1800: 11]. Слова Паката о розах, плавающих в фалернском вине, цитируются в статье «Histoire des Roses chez les différent peuples», опубликованной в Mercure de France [1814, Octobre, LXI: 171], там же приводится и то хрестоматийное место из Малерба (*la rose, elle a vecu...*), которое вспоминает Батюшков. В «Поэтической Галлии» Маршанжи сказано: «<...> les roses s'effeuillaient sur le nectar d'Albe, de Falerne et de Bordeaux = розы роняли лепестки на нектар Альбы, Фалерна и Бордо» [Marchangy 1813, I: 325]; во втором томе этого издания на с. 262—263 было перепечатано Маллетово переложение «Песни Гаральда Смелого», которое Батюшков переведет в 1816 г. Кроме того, цитата из Паката фигурирует в начале многократно переиздававшегося трактата аббата Верто о переворогах в Древнем Риме [Vertot 1752, I: vi] и в других книгах.

¹⁴ Ср. также эпиграмму Авсония «*Sparge mero cineres...*», где путнику предлагается обрызгать вином и посыпать розами урну с прахом поэта.

¹⁵ Роза (как и череп, см. далее о «прахе» и о «гробах») является, разумеется, одним из самых распространенных символов бренности (и присутствует, в частности, на барочных картинах жанра *vanitas*). Но в данном случае нас интересуют более близкие к Батюшкову литературные источники и параллели.

Сам человек, ищущий постоянное счастье, всего лишь эфемерный странник (*Странствователь*, если вспомнить упомянутую выше сказку):

Минутны странники мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни утратами щитаемъ <...>

Мотив «ходить по гробам» также является общим местом. Он характерен для французского церковного красноречия, но нередко встречается и в светских сочинениях, в том числе поэтических (*nous marchons sur des tombeaux / sépulchres / ruines / cendres, etc.*). Первая строка означает, что мы представляем собой «бренное на бренном»: «минутных», недолговечных людей окружают могилы предыдущих поколений и руины их построек (напомним, что лирический герой Батюшкова размышляет над пеплом дружеского дома); поэтому все, что люди видят вокруг, должно наводить на мысли об их собственной смертности и скоротечности.¹⁶

В «Неопалимой купине» выдающегося проповедника (и духовника Людовика XIII) Никола Коссена говорится:

Pourquoy viure si long tems sans nous sanctifier ? Pour bastir ? & où est-ce que nous ne marchons sur les ruines & sur les tombeaux de ceux qui nous ont bastis ? [Caussin 1648: 115].¹⁷

Такие же соображения повторяются век спустя в «Проповеди о смерти» другого иезуита, Ж. Б. Жоффруа (Jean-Baptiste Geoffroy, 1706—1782):

Partout des vestiges de destruction frappent nos regards: nous ne marchons qu'entre des tombeaux, & parmi les débris de l'humanité. Nous portons le germe & le principe de la mort dans nous-mêmes; nous foulons sous nos pieds la cendre de nos pères, la nôtre sera foulé sous ceux de nos enfans [Geoffroy 1788, I: 351].¹⁸

Вполне ожидаемо, что те же рассуждения встречаются и в английской «кладбищенской» литературе, в известных тогда «Надгробных Размышлениях» Джеймса Херви (Гервея, James Hervey 1714—1758):

¹⁶ Маловероятно, чтобы эта метафора могла возникнуть из переосмысления евангельского стиха «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того» (Лука 11:44).

¹⁷ Пер.: Зачем жить так долго, если не стремиться к святости? Чтобы создавать? Но разве не ходим мы по руинам и по гробницам тех, кто нас создал?

¹⁸ Пер.: Повсюду следы разрушения поражают наш взгляд: мы ходим лишь между гробниц, среди останков человечества. Мы несем зародыш и начало смерти в себе самих; мы попираем своими стопами прах наших отцов, наш будет попираем стопами наших детей. Аналогично в речи Моро: Les hommes, les familles, les villes, les états tout meurt ; tout s'éteint ; tout se détruit ; tout s'écroule autour de nous ; nous sommes environnés de ruines ; nous ne marchons que sur des tombeaux = Люди, семьи, города, страны, все умирают, все угасает, все разрушается; все рушится вокруг нас; мы окружены развалинами, мы ходим только по гробницам [Moreau 1760: 5].

Quand nous marchons sur les cendres de nos amis, quand nous nous prosternons sur les tombes de nos parens, pouvons-nous oublier que nous sommes mortels ? [Hervey 1770, 89].¹⁹

Оборот «ходить по гробам» и близкий по смыслу «ходить по руинам» имеется и у заведомо известных Батюшкову поэтов. В «Меланхолии» (*La Mélancolie*) Легуве образ путника, на каждом шагу незаметно для себя попирающего останки, сопровождается эксплицитными пояснениями (вся почва, по которой мы ходим, состоит из праха умерших):

Notre sol n'est formé que de poussière humaine,
Et lorsque dans les champs l'automne nous promène,
Nos pieds inattentifs foulent à chaque pas
Un informe débris, monument du trépas.²⁰

[Legouvé 1796: 41—42]

Этот пассаж из Легуве вполне мог повлиять на Батюшкова.²¹

Французские параллели стиха *Минутны странники, мы ходим по гробам* проясняют его смысл: мы не можем ступить шагу, чтобы не наткнуться на памятник человеческой бренности; и сами мы преходящи, и те, кто были до нас, создавали лишь бренные творения.

Это в свою очередь помогает увидеть, что в одном из еще более поздних стихотворений Батюшкова («Есть наслаждение и въ дикости лѣсовъ...», 1819) говорится нечто очень близкое:

Развалины на прахѣ строить
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ <...>

[Батюшков 1887, I: 293]

Как известно, стихотворение является незаконченным переложением 178-й и 179-й строф IV песни «Странствования Чайльд Гарольда». Как показал И.А. Пильщиков [2013: 111—115], Батюшков пользовался в работе сразу двумя французскими версиями этого фрагмента — в первую очередь Шарля

¹⁹ Пер.: Когда мы ходим по праху наших друзей, когда мы повергаемся на могилы наших родных, можем ли мы забыть, что мы смертны? Другой перевод «Размышлений» Херви был включен в собрание сочинений Юнга и составляет V и VI тома «Полного собрания Юнга»: [Young 1796]; «Надгробные Размышления» находятся в Т. VI.

²⁰ Пер.: Наша почва состоит из человеческого праха, / И когда осень прогуливает нас в полях, / наши неосторожные ноги топчут при каждом шаге / бесформенные обломки, памятники кончины.

²¹ Эти четыре строки Легуве были особо отмечены внимательными читателями: именно они цитировались в совершенно неожиданном (медицинском) контексте в «Esprit des Journaux» [1806: 109] и в «La Décade philosophique, littéraire et politique» [1806: 194]; позднее Катрен попал в иностранные издания: «Morgenblatt für gebildete Leser» [1814, № 202: 807] и «The New Monthly Magazine and Universal Register» [November 1, 1815, No 22: 311]. Более протяженный пассаж, содержащий то же четверостишие, был включен в хрестоматию Ноэля [Noël 1804, II: 294 и последующие издания].

Пикте (Charles Pictet de Rochemont, 1755—1824), а затем, по всей видимости, и Амедея Пишо (Amédée Pichot, 1795—1877). В переводе Пикте «L’homme marque son passage sur la terre par des ruines = человек руинами отмечает свой путь по земле» [Bibliothèque 1818: 412; Pictet 1820, I: 151]. В переводе Пишо говорится: «<...> l’homme, qui couvre la terre de ruines = человек, покрывающий землю руинами» [Вугон 1820, III: 310].²² Батюшков же, перелагая Байрона, не передает образа человека-разрушителя, но воспроизводит уже усвоенную идею французских поэтов и моралистов: человек тщетно строит бренное на прахе — на останках былых, уже распавшихся созданий.

Освоив французскую поэтическую систему, Батюшков построил модельный набор, парадигму поэтико-языковых форм, и формулирует свои мысли в рамках этой парадигмы, — поэтическим идеям (в том числе чужим, переводным) придается предзаданная форма, средства выражения просеиваются через готовую сетку поэтико-языковых конструкций.

В приведенных цитатах совпадает эпитет *Минутный* (*Минутны странники vs Минутный человекъ*), при этом выражения *строить развалины на прахъ* и *ходить по гробамъ* имеют важную общую коннотацию: предаваться суете, создавать бренное, пребывать среди бренного (ср. в цитированном выше письме Вяземскому: «Мы ходим по развалинам и между гробов»).

Заметим, что аналогичное место имеется в стихотворении «К Д[ашко]ву»: *Среди развалин и могил*, где оно, как сказали бы формалисты, мотивировано «реалистически», то есть местом и временем «действия»: автор бродит по сгоревшей и разгромленной Москве. Но несмотря на всю реалистичность этого образа в антифранцузском произведении Батюшкова, форма для его выражения — французского происхождения.

В стихе *Всѣ дни утратами считаемъ* не следует видеть ламентаций о безвозвратно ушедших днях [вроде приведенного выше пассажа из Ювенала (...après tant de beaux jours perdus...) или начала «La Chartreuse» Грессе (<...> *J’allois racheter en silence / La perte de mes premiers jours*], перед нами чисто языковой галлицизм: *compter ses jours par qch* — считать количество своих дней по числу чего-то (по числу испытанных несчастий, удовольствий и т.п. — в данном случае по числу утрат).²³ То же относится к строке из «Воспоминания» (1809): <...> *Считаю скукой дни, цѣнь горестей влachu* [Батюшков 1887, I: 89], означающей, что герой считает дни по продолжительности скуки.

²² В английском оригинале: *Man marks the earth with ruin*. (Childe Harold’s Pilgrimage IV.179). Вяземский также передавал эти строки по Пикте: «Человѣкъ означаетъ переходъ свой на землѣ развалинами» [Пильщиков 2013: 113—114].

²³ Вот ряд примеров (без перевода): *Comptons nos jours par nos plaisirs, comptons nos jours par nos ennuis, nous comptons tes jours par tes exploits, il compte ses jours par ses bienfaits, il compte ses jours par ses pertes...* Последний пример (взятый из «Poésies sur la constitution Unigenitus, recueillies par le chevalier de G***», Villefranche: Philalète Belhumeur [1724, I: 183]) представляет точное соответствие батюшковской строке («он считает свои дни утратами»), однако оно наверняка случайно.

Косвенное подтверждение тезису о французском происхождении мотива *ходить по развалинам и могилам* можно усмотреть в том, что батюшковская поэтическая речь в этом стихотворении содержит и другие фигуры, выражения, обороты, характерные для французского церковного красноречия; это не обязательно означает цитирования, но свидетельствует о хорошем знакомстве с соответствующей литературой и о достаточно основательном усвоении французской церковной риторики.

Французской калькой, типичной для духовной литературы, является, вероятно, и выражение *прах красноречивый*, введенное Батюшковым в русскую поэзию и имевшее большой успех впоследствии:

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?..
 Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ
 И мѣсто поросло кропивою.
 Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
 На прахъ его краснорѣчивой.

И.А. Пильщиков проследил историю выражения *прах красноречивый*, (*красноречивый прах*) у Батюшкова, Воейкова, Баратынского и в окончательном тексте послания Гнедича «К Батюшкову» (в версии 1807 г. оно отсутствует) [Пильщиков 2003: 112; 219, прим. 292]. К перечисленным можно добавить поэму Гнедича «Рождение Омера» (1817)²⁴, стихи на смерть поэта Василия Петрова в статье, написанной по материалам его сына И.В. Петрова (1818)²⁵, «Ливонию» Языкова (1824)²⁶, «Певнице Каталани» Иванчина-Писарева (1828)²⁷, «Первую Фракийскую элегию» Теплякова (1829)²⁸, «На прибытие Государя Наследника в Москву» А.Ард. Шишкова (1831)²⁹, фантазию «Италия» Дм. Сушкова (1838)³⁰, «Предвещание путешественнику» его сестры Евдокии

²⁴ Съ тѣхъ дней какъ палъ Пелидъ, три вѣка протекали; / Но дѣлъ его пѣвцы отъ мрака не спасли: / Какъ эхо пѣсни ихъ раждаясь умирали; / *Краснорѣчивый прахъ* безмолствовалъ въ земли <...> [Гнедич 1817: 6].

²⁵ Великаго Пѣвца могила сокрываетъ, / Но возвѣститъ о немъ *краснорѣчивый прахъ*. / Волшебный лиры гласъ во вѣкъ не умолкаетъ / Потомства позднаго раздается онъ въ сердцахъ [ТВОЛРС 1818, Ч. I: 138].

²⁶ Рукою лѣтъ разбитыя громады, / Гдѣ бранная воспитывалась честь, / Гдѣ торжество не вѣдало пощадъ / И грозную разгорячало мечь — / Несмѣльный внукъ Ливонца удалого / Глядитъ на вашъ *краснорѣчивый прахъ* <...> [Мнемозина 1825, IV: 156–157].

²⁷ Мой духъ летѣлъ къ полямъ Сатурновой земли, / Гдѣ гласъ Виргилия раздался лебединый, ... Гдѣ все великое въ насъ чувства возвышаетъ, / И съ ними говорить *краснорѣчивый прахъ* [Иванчин-Писарев 1828, 26—27].

²⁸ Увижу я страну боговъ; / *Краснорѣчивый прахъ* открою: / И зашумитъ передо мною / Рой незапамятныхъ вѣковъ! [Северные цветы 1830, 9].

²⁹ Предъ алтаремъ колѣна преклоняя, / Онъ молится на Царственныхъ гробахъ, / Ему теперь, устами НИКОЛАЯ, / Вѣщаетъ ихъ *краснорѣчивый прахъ* [Молва 1831, № 44, 274].

³⁰ <...> На мигъ опять твои преданья живы, / И въ тишинѣ ихъ *прахъ краснорѣчивый* / Мнѣ говоритъ о бренности людской [Сушков 1838, 88].

Ростопчиной (?)³¹ и т. д. В «Элегии на кончину Павла Григорьевича Демидова» князя Шаликова (1821) имеется почти синонимичное выражение.³²

По всей вероятности, начало использованию этого словосочетания в русской поэзии положил именно Батюшков, некоторое время оно воспринималось как цитата из его стихотворений. Так оно должно было быть представлено в сказке графа Хвостова «Взаимная ответственность»: «Жена въ печальномъ покрывалѣ <...> / Рыдаеть, вспомянувъ краснорѣчивый прахъ <...>» (Карманная библиотека Аонид 1821: 73 [70—77]). В списке опечаток отмечено, что выражение *краснорѣчивый прахъ* предполагалось выделить курсивом, надо полагать, как аллюзию на Батюшкова. Заметим также, что строка из «Умирающего Тасса» *развалины и прахъ краснорѣчивый* была взята в качестве эпиграфа к XXIV главе романа А. Тонкачеева «Ель Тровадор, или месть за месть» [1833, II:113].

Разумеется, сам топос красноречивых руин или могил намного старше и встречается, в частности, в разных вариантах преромантизма, в том числе у русских «архаистов»-беседчиков:

Книги философовъ скажутъ вамъ менѣе, нежели камни покрывающіе **прахъ** вашихъ предковъ. О! коль удобны они управлять движеніями сердца, не совѣмъ развращеннаго. Какъ **краснорѣчиво** вѣщають они нашимъ чувствамъ! [Станевич 1811, I: 68—69].

Как показывают аналогичные французские примеры³³, образ красноречивого надгробия бывает мотивирован красноречием начертанной на камне эпитафии. Возможно, и сочетание «красноречивый прах» возникло именно таким путем, но в текстах эта мотивировка зачастую оказывается стертой.

Прах красноречивый — русский эквивалент оборотов *cenbres éloquentes, ruines éloquentes, monuments éloquents, restes éloquents, débris éloquents*, характерных как для французской церковной элоквиенции, так и для преромантического пейзажа.³⁴

Эпитет предполагает, что *прах* что-то красноречиво говорит, в чем-то убеждает. У Батюшкова не сказано эксплицитно и открыто, в чем именно состоит красноречие праха, но по общему смыслу стихотворения можно догадаться, что он повествует о бренности мира, что соответствует и французскому употреблению этой формулы:

³¹ Что говорить ему, въ столицѣ бывшей міра, / Прославленныхъ вѣковъ *краснорѣчивый прахъ*? / Что грезится ему: воители въ вѣнцахъ, / Иль гордыхъ Кесарей порфира? [Ростопчина 1857, II: 166].

³² И *гробъ краснорѣчивый* твой [Московские Вѣдомости 7.12.1821, № 98, с. 2856].

³³ *Ces marbres éloquents, monuments de l'orgueil <...>* = эти красноречивые мраморные [надгробия], памятники гордыни <...> [Feutry 1772, I: 125 и мн. др. перепечатки], и т.п.

³⁴ Приведем французский пример: <...> *assis sur un marbre, dans l'obscurité de la nuit parmi ces débris, ces restes muets, mais très-éloquents, de notre triste mortalité <...>* = сидя на мраморе [надгробии], в ночной темноте, среди этих развалин, этих останков — немых, но весьма красноречивых, — нашей печальной смертности [Guys 1783, I: 157].

... et ses cendres, plus éloquentes ou plus sincères que mes paroles, me réperdroient: voilà cependant à quoi se réduit toute la gloire du monde.³⁵

Не только надгробия, но и руины красноречиво напоминают о былой славе, свидетельствуя тем самым и о мирской тщете. И здесь стоит остановиться на небольшом фрагменте поэмы Александра Сумэ «Неверие», где рядом с уже разобранным присутствует еще один заимствованный Батюшковым мотив.

Eh ! qui n'a parcouru, d'un pas mélancolique,
Le dôme abandonné, la vieille basilique,
Où devant l'Éternel s'inclinaient ses aïeux ?
Ces débris éloquents, ce seuil religieux,
Ce seuil où tant de fois, le front dans la poussière,
Gémit le repentir, espéra la prière ;
Ce long rang de tombeaux que la mousse a couvert,
Ces vases mutilés et ce comble entr'ouvert ;
Du temps et de la mort tout proclame l'empire :
Frappé de son néant, l'homme observe et soupire.³⁶

[Soumet 1810: 125-126]

Образ длинного ряда гробниц, соседствующих с мшистыми руинами, Батюшков использовал во второй строфе стихотворения «На развалинах замка в Швеции»:

<...> Задумчиво брожу и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валь, поросшіи злакомъ ровь,
Столбы — и ветхій мость съ чугунными цѣпями,
Твердыни **мшистыя** съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

[Батюшков 1817, II: 11—12]

Как известно, источником этого стихотворения является элегия Фридриха фон Маттисона «Elegie in den Ruinen eines alten Bergschlosses geschrieben», которую Батюшков передал чрезвычайно свободно, его версия соответствует

³⁵ Пер.: ... и его прах, более красноречивый или более искренний, чем мои слова, ответил бы: так вот к чему сводится всякая мирская слава [Bonnardel 1809, V: 68].

³⁶ Пер.: Да, кто не проходил меланхолично / Покинутый храм, старую базилику, / Где его предки склонялись перед Предвечным? / Эти красноречивые развалины, этот церковный порог, / Порог, где столько раз, склонив чело во прах, / Стонало раскаяние, надеялась молитва, / Этот длинный ряд надгробий, покрытых мхом, / Эти разрушенные [погребальные] урны и зияющую кровлю, / [Здесь] все провозглашает власть времени и смерти; / Пораженный своим ничтожеством, человек смотрит и вздыхает.

оригиналу лишь в общих чертах. В частности, в элегии Маттисона нет никакого «длинного ряда гробов». В девятой строфе немецкого стихотворения есть выражение *halbversunkne Leichensteine* ‘наполовину погруженные [в землю] надгробия’, которому в десятой строфе батюшковского подражания соответствует строка, повторяющая образ второй строфы: *И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ* <...>. Сравнение с приведенным пассажем из поэмы Сумэ показывает, что Батюшков в своем переложении с немецкого пользуется французской образностью. При этом в других своих произведениях русский поэт не преминул воспользоваться поэтическими идеями немецкого предшественника. Действительно, в элегии Маттисона есть такое двустишие о бренности земных ценностей:

Selbst der Freundschaft und der Liebe Glück

Lässt auf Erden keine Spur zurück!³⁷

[Matthisson 1787: 7; Heinsius 1810, III: 322]

Сходную пару строк мы видим в батюшковской элегии «Воспоминания» (1814 — 1815):

Какъ снова **счастье** мнѣ коварно измѣнило
Въ любви и дружествѣ... во всемъ,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствіямъ конецъ, печалямъ — никогда!

[Батюшков 1887, I: 228]

Но аналогичный по смыслу стих имеется и в стихотворении «К другу» (13-я строфа):

Такъ все здѣсь суетно въ обители суеть!³⁸
Пріянь и дружество непрочно!

Стало быть, в стихотворения «Воспоминания» и «К другу» русский поэт включает мотив из Маттисона, который никак не отразился в батюшковском переложении самой немецкой элегии, при том, что переводчик использовал обороты, взятые из «посторонних» французских авторов. Батюшков, как видим, демонстрирует безразличие к национальной «этимологии» элементов своего поэтического языка.

³⁷ Пер.: Даже счастье дружбы и любви / Не оставляет следа на земле.

³⁸ Сочетание *обитель суеть* калькировано, возможно, с *asile de la vanité, séjour de la vanité* или *séjour des vanités*, как во французском переводе из Мильтона: <...> *la Terre azile de l'erreur; / Séjour des vanités, siège du faux honneur* = <...> земля, убежище заблуждений, / Обитель сует, обиталище ложной чести [Milton 1755: 155].

Обратимся теперь к 15-й (третьей от конца) строфе послания «К другу», где также смешаны заимствования разного происхождения:

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:
Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ.

[Батюшков 1817, II: 104—105]

Первые два стиха являются очевидной цитатой из Ломоносова³⁹, что было отмечено уже Пушкиным на полях «Опытов в стихах и прозе» [Пушкин 1949, XII: 267]. Батюшковское сравнение в самом деле аналогично ломоносовскому: у Батюшкова «ум погибает», то есть теряется, мечется *какъ въ воздухѣ перо* и *какъ въ вихрѣ тонкій прахъ*, а у Ломоносова герой «утомлен мысльми», то есть плоды его ума теряются *какъ перо въ огнѣ* и мечутся *какъ въ вихрѣ тонкій прахъ*.

Однако следом за цитатой из «Вечернего размышления о Божием величестве» Батюшков счел необходимым дать еще одно сравнение:

Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,

У него тоже имеется источник, на этот раз не русский, но, можно сказать, общеевропейский: две приведенные строки восходят (через французское посредство) к пассажиру из Дантова «Пира» (*Convivio*), причем французский посредник в данном случае точно устанавливается. Дантов оригинал звучит так:

Veramente io sono stato legno senza vela e senza governo, portato a diversi porti e foci e liti dal vento secco che vapora la dolorosa povertade <...> (*Convivio* I, iii, 5).⁴⁰

Батюшков мог прочесть эту фразу в «Литературной истории Италии» Женгене, с которой, как показал И.А. Пильщиков [2003], был хорошо знаком:

³⁹ Из второй строфы «Вечернего размышления о Божием величестве» (1743, опубликовано в 1747/1748).

⁴⁰ Я был поистине кораблем без парусов и без руля, бросаемым к разным портам, устьям и берегам сухим ветром, который выдыхает горестная бедность.

J'étais véritablement comme un vaisseau sans voiles, sans gouvernail, jeté dans des ports, des golfes, et sur des rivages divers par le vent rigoureux de la douleur et de la pauvreté [Ginguené, 1811, I: 472].⁴¹

Кроме того, цитируемое место из «Пира» имеется в предисловии к Риваролеву переводу «Ада»:

Partout où se parle cette langue toscane, on m'a vu errer et mendier ; **j'ai mangé le pain d'autrui et savouré son amertume. Navire sans gouvernail et sans voiles, poussé de rivage en rivage** par le souffle glacé de la misère <...> [Dante 1785, I: xii].⁴²

Казалось бы, знакомство Батюшкова с «Литературной историей Италии» значительно более вероятно, чем с довольно редким изданием Ривароля.⁴³ Однако в «Умирающем Тассе» имеется та же реминисценция из «Пира»⁴⁴, но дополненная знаменитой фразой из «Рая» о горечи чужого хлеба⁴⁵:

Каких не испыталь превратностей судьб?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился,
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?

[Батюшков 1817, II: 247]

Точно такое же смешение было сделано Риваролем (см. выше). Тем не менее, мы не можем категорически утверждать, что русский поэт опирался именно на Риваролево переложение «Ада», поскольку он мог ознакомиться с контаминацией *Convivio* и *Paradiso* при чтении газеты: обе версии, Ривароля и Женгене, цитировались вместе в *Journal de l'Empire*⁴⁶ за 29 мая 1811 [Mercredi 29 mai 1811: 4], в рецензии на перевод «Рая», выполненный А.Ф. Арто де Монтором [Dante 1811].⁴⁷

⁴¹ Я был поистине как корабль без парусов, без руля, бросаемый в [разные] порты, заливы, к разным берегам суровым ветром страдания и бедности.

⁴² Пер.: Повсюду, где говорят по-тоскански, меня видели странствующим и просящим милостыню; я ел чужой хлеб и ощущал его горечь. Корабль без руля и без парусов, бросаемый от берега к берегу ледяным дыханием нищеты.

⁴³ Существует однотомное издание того же года, имеются экземпляры с фальсифицированной датой 1783. Перевод был закончен, видимо, в 1781 г. [Le Breton 1895: 357—358].

⁴⁴ Я искренне признателен И.А. Пильшикову, обратившему мое внимание на эти строки.

⁴⁵ *Tu proverai sì come sa di sale / lo pane altrui, e come è duro calle / lo scendere e 'l salir per l'altrui scale* (Paradiso XVII, 58-60) = Ты испытаешь, как солен / чужой хлеб и как тяжок путь, / [которым] всходишь и спускаешься по чужой лестнице.

⁴⁶ Так назывался *Journal des débats politiques et littéraires* при Наполеоне с 16.06.1805 по 1.04.1814 и с 21.03 по 7.07.1815.

⁴⁷ Для полноты картины заметим, что сравнение нетвердого разума с кораблем *без руля и без ветрил* встречается уже у Плутарха. Приведем французское переложение одного из его моральных

Таким образом, совершенно цельный художественный текст, относящийся к лучшим русским стихотворениям,⁴⁸ вполне может оказаться составленным из фрагментов чужих творений⁴⁹, и это не только его не портит, но и сообщает ему большую глубину, — ведь мы имеем дело не с компиляцией, а со специфической обработкой языкового материала: поэт придает форму освоенной им подсистеме поэтического языка, в некотором смысле общеевропейского. Расшифровка же этого языка, установление происхождения (этимологии) различных его элементов является уже задачей филолога.

Литература

Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. — СПб.: Типография Греча, 1817, ч. II: Стихи. — 265 с.

Батюшков К.Н. Сочинения. Изданы П.Н. Батюшковым. Со статьей о жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова, написанною Л.Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В.И. Сайтовым. — СПб.: Типография Балашова, 1887, т. I: О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова; Стихотворения. — XXVII, 360, 461 с.

Батюшков К.Н. Сочинения. — М.: Художественная литература, 1989, т. II: Из записных книжек. Письма. — 719 с.

Гнедич Н.И. Рождение Омера. Поэма. — СПб.: Типография Императорского театра, 1817. — 25 с.

Добрицын А.А. «Поиски счастья и фортуны: Античные и французские источники сказки К.Н. Батюшкова “Странствователь и Домосед”» // Русская литература. — 2023. — № 1. — С. 5—19.

Иванчин-Писарев Н.Д. Новейшие стихотворения, собранные после издания 1819 года, с прибавлением нескольких сочинений его в прозе. — М.: Типография Семена, 1828. — 267 с.

Мнемозина, Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М. Типография Императорского Московского театра, 1825, ч. IV. — 232 с.

Молва: Журнал мод и новостей, издаваемый при Телескопе. — 1831. — № 44.

трактатов: *Tel qu'un vaisseau qui sans pilote et sans gouvernail est emporté par la violence des vagues, il erre à travers mille écueils* <...> = Как корабль, который без кормчего и без руля увлекаем силой волн, он [чьа душа и разум в смятении — А. Д.] блуждает меж тысячи рифов <...> [Plutarque 1786, VI: 373—374]. В Плутарховом жизнеописании Цезаря город, оставленный на волю анархии, также сравнивается (в переводе Дасье) с кораблем без кормчего и без руля («vaisseau sans pilote & sans gouvernail»).

⁴⁸ По крайней мере, Пушкин считал, что «К другу» — «сильное, полное и блистательное стихотворение» [Пушкин 1949, XII: 268].

⁴⁹ Автор как будто бродит среди поэтических созданий прошлого, как его лирический герой «ходит по гробам».

Московские Вѣдомости — 7.12.1821. — № 98.

Пильщиков И.А. Батюшков и литература Италии. Филологические разыскания. Под ред. М.И. Шапира. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 315 с.

Пильщиков И.А. Батюшков — Малерб — Ронсар — Иоанн Секунд (эпизод из истории метрической семантики // Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 244—261.

Пильщиков И.А. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» К. Батюшкова (предыстория и эдиционная судьба). Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. — Тарту, 2013. — С. 106—124.

Пушкин А.С. [Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова] // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 12. Критика. Автобиография. — 1949. — С. 257—284.

Северные цветы на 1831 год. — СПб.: Типография Департ. народн. просвещ., 1830.

Станевич Е.И. «Размышление при гробе благодетеля» (Чтение в Беседе любителей Русского слова. — СПб.: Медицинская типография, 1811. — Книжка первая. — С. 67—77.

Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. ст. и сост. А.Н. Соколова. Подг. текста и примеч. Н.М. Гайденова и В.П. Степанова. — Л., 1969.

Сушков Д.П. Стихотворения. Первая книжка. — СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1838.

ТВОЛРС — Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. — СПб.: Типография Карла Крайя, 1818, ч. I.

Тонкачев А. Ель Трवादор, или месть за месть: Испанская быль 1826 года. — М.: Типография Лазаревых Института восточных языков, 1833. — Часть вторая.

Almanach des Muses, 1770.

Bibliothèque Universelle des Sciences, Belles-lettres, et Arts, faisant suite à la Bibliothèque Britannique. Genève: De l'Imprimerie de la Bibliothèque universelle, 1818, T. IX: Littérature.

Bonnardel F. Cours d'instructions familières, Pour les Dimanches, les Fêtes et autres jours remarquables de l'Année, Nouv. éd. Lyon: Rusand, 1809, T.V.

Byron G. Gordon. Œuvres complètes de Lord Byron, traduit de l'anglais par A.E. de Chastopalli [A. Pichot] 2ème édition, revue, corrigée et augmentée de plusieurs poèmes. Paris: Ladvoat, 1822, T. III.

Caussin N. Le Buisson ardent. Figure de l'incarnation. Paris: Du Brat, 1648.

Choix des anciens Mercurès avec un extrait du Mercure françois. Paris: Pissot, 1762. T. LXXXI.

Dante. L'Enfer, Poème du Dante, Traduction nouvelle [par A. Rivarol]. Londres, Paris: Didot, Mérigot, Bailly, 1785, T. I.

Dante. Le Paradis, poème du Dante traduit de l'italien, précédé d'une introduction, de la Vie du poète, suivi de notes explicatives... par un membre de la Société colombarie de Florence [A.-F. Artaud de Montor]. Paris: Treuttel et Würtz, 1811.

Deshoulières A. Poésies de Madame et de Mademoiselle Deshoulières. Nouvelle édition. Amsterdam: Desbordes, 1709. T. I.

Encyclopédiana, ou Dictionnaire Encyclopédique des Ana. Contenant ce qu'on a pu recueillir de moins connu ou de plus curieux parmi les saillies de l'esprit <...>. Paris: Panckoucke, 1791.

Encyclopédie, Ou Dictionnaire Raisoné Des Sciences, Des Arts Et Des Métiers... Neufchastel: Faulche et Compagnie, 1765. T. XIV: Reggi=Sem.

Esprit de l'Encyclopédie, ou Choix des Articles <...> Paris: Fauvelle et Sagnier, An VIII [1798], T. X.

Esprit du «Mercure de France» depuis son origine jusqu'à 1792, ou Choix des meilleures Pièces de ce Journal <...> Paris: Barba, 1810, T. I.

Feutry A.A. J. Les Tombeaux. Poème // Le Nouveau Trésor du Parnasse: ou, Élite de poésies fugitives. Liège, Paris: Bassompierre, 1772, T. I.

Geoffroy J.B. Sermons. Lyon: Bruyset, 1788, T. I.

Ginguené P.L.: Histoire Littéraire de l'Italie. Paris: Michaud frères, 1811, T. I.

Guillemeau J.L.M. Histoire naturelle de la rose. Paris: Vatar-Jouannet, An IX — 1800.

Guillon M.N.S. La Fontaine et tous les fabulistes, ou La Fontaine comparé avec ses modèles et ses imitateurs. Paris, Milan : Nyon. An XI — 1803. T. II.

Guys P.A. Voyage littéraire de la Grèce, ou, Lettres sur les Grecs, anciens et modernes, avec un parallèle de leurs mœurs, 3e éd. Paris: Duchesne 1783, T. I.

Heinsius T. Der Bardenhain für Deutschlands edle Söhne und Töchter. Berlin: Dieterlei, 1810, Dritter Theil.

Hervey J. Méditations sur les Tombeaux, traduites de l'Anglois. Paris: Lacombe, 1770.

Horace. Traduction libre des Odes d'Horace, en vers françois [par Cl. de Loynes d'Autroche], suivie de notes historiques et critiques. Orléans, 1788. T. I.

Juvenal. Satires, traduites par J. Dusaulx. Troisième éd. Paris: Didot, 1796, T. II.

Laharpe J.F. Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris: Agasse. An VII [1798]. T. VI.

La Rochefoucauld F. de. Reflexions ou Sentences et Maximes morales de Monsieur de la Rochefoucauld, Maximes de Madame la Marquise de Sablé <...> Amsterdam: Mortier, 1705.

La Rochefoucauld F. de. Les Pensées, Maximes, et Réflexions morales de François VI, Duc de la Rochefoucauld, Avec des Remarques & Notes Critiques, Morales, Politiques & Historiques sur chacune de ces Pensées, par Amelot de la

Houssaye & l'Abbé de la Roche, & des Maximes Chrétiennes par Madame de la Sabliere. Paris: Nyon, 1757.

Le Breton A. Rivarol. Sa vie, ses idées, son talent, D'après des documents nouveaux. Paris: Hachette, 1895.

Lebrun P.D. Écouchard. Œuvres. Paris, 1811, T. II.

Legouvé G.M.J. B. Les Souvenirs, la Sépulture, et la Mélancolie. Seconde édition, Paris : Lemierre, Huet. An VI — 1796.

Martial. Épigrammes de M. Val. Martial, latines et françoises: Nouvelle traduction [par D. Volland]. Paphos: De l'imprimerie du Dieu des amours [i. e. Paris: Volland, 1807], T. II.

Marchangy L.A.F. de. La Gaule poétique ou l'Histoire de France considérée dans ses rapports avec la Poésie, l'Eloquence te les Beaux-Arts. Paris: Eymery, 1813, T. I—II.

Marsy F.M. de. Analyse raisonnée de Bayle, ou Abrégé méthodique de ses ouvrages... Londres 1755, T. III.

Matthison F. von. Gedichte, Mannheim 1787.

Milton J. Le triomphe de Jesus-Christ dans le désert, Poème sacré; traduction libre en vers François du *Paradis reconquis* de Milton, Par M. Lancelin, Paris: Dessaint & Saillant; Lambert, 1755.

Moreau G.-F. Oraison funèbre de très-haut, très-puissant et très excellent Prince Ferdinand VI, et de très haute, très-puissante et très excellente Princesse Marie de Portugal, Roi et Reine d'Espagne, s. l. 1760.

Noël F. J. M., De Laplace G. F. M. J. Leçons de littérature et de morale, ou recueil en prose et en vers ..., Paris : Normant, An XII — 1804, T. II.

Pezai A. Masson de. Choix des poésies de Pezai, Saint Péravi et La Condamine. 1810.

[Pictet de Rochemont C.] Choix de poésies de Byron, Walter Scott et Moore / Traduction libre, par l'un des Rédacteurs de la Bibliothèque universelle. Genève; Paris, 1820, T. I.

Plutarque. Oeuvres morales de Plutarque, Traduites en françois par M. l'Abbé Ricard. Paris: Desaint, 1786, T. VI.

Réflexions diverses propres à former l'Esprit et le cœur. Paris: Prault, 1749.

Soumet A. L'incrédulité: Poème, 2e éd. Paris: Michaud, 1810.

Vertot R.A. de. Histoire des Révolutions arrivées dans le Gouvernement de la République Romaine. Cinquième éd. Paris: Didot, 1752, T. I.

Young E. Œuvres complètes d'Young, traduites de l'Anglois par M. Le Tourneur. Paris: Dufart, An IV — 1796.

Poetic Gallicisms of Batiushkov

The paper examines the intertextuality in several poems by Konstantin Batiushkov and argues that he often used phrases found in French poetry. He included Gallicisms in the elegy “On the Ruins of a Castle in Sweden”, translated from German, but in other poems he exploited the formulas that go back to the German original of this elegy, demonstrating indifference to the national “etymology” of their constructive elements. French formulas are also found in Batiushkov’s translation from Byron. The epistle “To a Friend”, permeated with Gallicisms, combines quotations from Lomonosov and Dante in one stanza. However, it is not a compilation of heterogeneous formulas but a re-processing of the material: the poet gives form to the adopted material of what is, for him, the common European poetic language.

Key words: Batiushkov, poetic language, poetic formulae, loan phrases, maxims, Gallicisms.